

Журнальные новости

Мас. 1034₂

— вы и подливайте въ воду и ешьте въ эту чашку съ карболкою; да разатри — четыре въ день вслите своему сыну выливать изъ нея. А потому въдь и отъ тѣла нашего духъ идетъ: въ баню вы не можете сходить, да и не надо. — брызните водой, смѣшайте пополамъ съ водою, и пусть жена вамъ на ночь этимъ и вытираетъ губкою все тѣло». Конечно, наставленія вполне рациональны, — хорошо и въ карболку плевать, полезно и губкою вытираться, — но читателя все таки интересуютъ не они, а тѣ встрѣчи, которыя приходилось дѣлать автору въ своей практикѣ. Совѣты и наставленія, подобные вышеприведеннымъ, занимаютъ половину очерка и настолько утомляютъ читателя, что онъ неспособенъ уже отнестись съ интересомъ къ остальной половинѣ.

Мы хотѣли бы поговорить о печатающемся въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ* рассказѣ г-жи Миклуличъ «Зарницы», но такъ какъ онъ еще не оконченъ, то откладываемъ свой отчетъ о немъ до следующей книжки.

Въ мартовской книжкѣ *Русской Мысли* продолжаются записки г. Чехова объ островѣ Сахалинѣ. Авторъ указываетъ тѣ черты, которыя отличаютъ бытъ ссыльнокаторжныхъ, населяющихъ южную часть острова, отъ описанной имъ раньше сѣверной. «Селенія южнаго округа отличаются своимъ особенностямъ, которыхъ не можетъ не замѣтить человекъ, только что прѣехавшій съ сѣвера. Прежде всего, здѣсь значительно меньше нищеты. Неоконченныхъ, брошенныхъ избъ или забытыхъ наглухо оконъ я не видѣлъ вовсе, и тесная крыша здѣсь такое же заурядное и привычное для глазъ явленіе, какъ на сѣверѣ солома и керье». «Сами жители выглядятъ моложе, здоровѣе и бодрѣе своихъ сѣверныхъ товарищей, и это такъ же, какъ и сравнительное благосостояніе округа, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что главный контингентъ ссыльныхъ, живущихъ на югѣ, составляютъ краткосрочные, то-есть люди по преимуществу молодые и въ меньшей степени измученные

каторгой». Кроме впрочемъ этихъ выгодныхъ для юга отличій существуютъ порядки, говорящіе въ пользу сѣвера. «Здѣсь, какъ я замѣтилъ, и патріархальности больше, и люди консервативнѣе, и обычаи, даже дурные, держатся крѣпче. Такъ, въ сравненіи съ сѣверомъ, здѣсь чаще прѣбываютъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ и бываетъ, что въ одинъ приемъ сбьютъ по 50 человекъ, и только на югѣ убѣдѣлъ дурной обычай, введенный когда-то какими-то давно забытымъ полковникомъ, а именно, когда вамъ, свободному челоѣку, встрѣчается на улицѣ или на берегу группа арестантовъ, то уже за 50 шаговъ вы слышите крикъ надзирателя: «Смир-р-рно! шанки долой!» И мимо васъ проходятъ угрюмые люди съ обнаженными головами и глядятъ на васъ изподлобья, точно если бы они считали не за 50, а за 20—30 шаговъ, то вы бояли бы ихъ палкой, какъ г. З. или Н.» На этотъ разъ записки г. Чехова отличаются сухостью изложенія и обиліемъ сырого матеріала. Мы не встрѣчаемъ ни типовъ каторжанниковъ, ни яркой характеристики ихъ быта. Описанія сахалинской природы также мало напоминаютъ намъ автора «Степи».

Не лишнее интереса помѣщенный въ той же книжкѣ *Русской Мысли* очеркъ г. Сементковского «Смерть сановника». Авторъ имѣетъ въ виду доказать необходимость интеллигентнаго труда въ деревнѣ и въ провинціи и ошибочность общаго стремленія перенести свою дѣятельность въ столицы. Уставившій отъ важныхъ государственныхъ дѣлъ князь возвращается въ свое помѣстье для того, чтобы отдохнуть и набраться силами. Здѣсь подъ вліяніемъ уединенія, нахлынувшихъ воспоминаній дѣтства и впечатлѣній деревни онъ окмываетъ взглядомъ прошедшую жизнь и приходитъ къ убѣжденію въ ложности избраннаго имъ пути. Желаніе найти широкую арену для своей дѣятельности понудило его очень рано покинуть деревню и погрузиться въ исключительно петербургскую жизнь. По мѣрѣ успѣховъ на административномъ по-